

Великая победа: истоки и смысл советского патриотизма

Цеханская Кира Владимировна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт этнологии и антропологии РАН

В годы Великой Отечественной войны народы Советского Союза в своем подавляющем большинстве проявили высокий гражданский патриотизм. Природа этого патриотизма носила архетипически-традиционный характер священной защиты Отчизны. Жертвенно защищая страну, свои очаги, алтари, землю, заветы предков, народ одновременно защищал идеалы советского жизнеустройства, свою систему государственности. В войну произошло антропологическое соединение гражданских основ патриотизма с религиозным восприятием трагизма бытия. Любовь к Родине, открытое возвращение к религиозным традициям сплотили советский социум, укрепив константы его гражданского и духовно-нравственного самосознания. Союз «религиозности» и «советскости» явился той духовной силой, которая помогла одолеть врага.

Ключевые слова: тоталитарный, советский проект, жертвенность, политические идеалы, религиозная ментальность, традиция.

Одна из наиболее сложных научных, методологических и мировоззренческих проблем в изучении итогов Великой Отечественной войны – это вопрос о духовно-нравственных и цивилизационных источниках советского патриотизма. За что воевали народы СССР? В чем состояла мотивация их жертвенности, какие идеалы они защищали ценой лишений, страданий, трудовых и военных подвигов, наконец, ценой своей жизни? В статье, посвященной религиозности русско-советского социума в годы Великой Отечественной войны, опубликованной в «Вестнике антропологии» №4(32) в 1915 г., анализировался процесс открытого религиозного возрождения в воюющей стране. Одновременно в работе подчеркивалось, что и религиозность и «советскость» ярко проявились во время войны как органичный союз двух антропологически совместимых духовных величин. В данной статье основное внимание уделяется проявлениям гражданского патриотизма советского народа, вставшего на защиту **советской родины**. При этом социо-этическое, моральное, идеологическое восприятие войны как цивилизационной защиты своей, советской системы жизнеустройства, рассматривается в контексте традиционных религиозных констант русского патриотизма.

В современных исторических, культурологических, да порой и бытовых оценках Великой Отечественной войны все более и более утверждается не просто спорная, но абсурдная точка зрения, что народы страны победили нацистскую Германию **вопреки** советской системе государственности, в параметрах которой они якобы вынуждены были влачить рабское, полуголодное, а по сути – расчеловеченное существование.

Но, очевидно, что подобная точка зрения носит ложно-декларативный, недоказуемый характер. Постоянный повтор тезисов «сталинизм равен гитлеризму», а «советизм – фашизму» уже обрел черты инфопсихической атаки на традиционное мышление российского общества, целью которой является осквернение правды и чистоты народной памяти о священной войне за Родину. И не просто за Родину, а за свою, **советскую** Отчизну. Нигде, ни в каких источниках нет свидетельств того, что народы СССР переживали трагедию войны и весь ее ход как внутрен-

ний, гражданский конфликт советской власти и общенародной воли, как расщепление целей Кремля и остального, многомиллионного советского социума. Иногда в качестве «весомого» доказательства идеологического конфликта народа и власти приводится пример генерала-предателя Власова. Но, генерал, в своем «знаменитом» открытом письме 1943 г., начавшемся словами: «Меня ничем не обидела Советская власть...» [1, с. 351-356], обвинивший Сталина в претензиях на мировое господство, развязывании войны, во ввержении народа в неисчислимые бедствия и несчастья, спустя три года просто, откровенно и, можно даже сказать, мужественно объяснил истинные причины своего поступка.

Отвечая на вопросы членов Военной коллегии Верховного Суда СССР, зная, что его ждет смертный приговор, Власов заявил: «Я признаю себя виновным... Смелодушничал, сдался в плен немцам, клеветал на советское командование, призывал к свержению Советов, за мир с немцами. Моим именем делалось все... С 1944 г.... успел сформировать все охвостье, всех подонков, свел их в комитет, редактировал гнуснейший документ, формировал армию для борьбы с Советским государством, я сражался с Красной Армией... Я вел самую активную борьбу с Советской властью и несу за это полную ответственность...» [2].

Русский философ Александр Зиновьев, воевавший на фронтах Великой Отечественной войны, утверждал: «... абсурдно мнение, будто советские люди сражались за Родину, но отнюдь не за свой советский социальный строй. К началу войны для большинства советских людей коммунистический строй стал их образом жизни, а не политическим режимом. Отделить его от массы населения было просто невозможно. Желали этого люди или нет, любая защита ими себя или своей страны означала защиту социального строя. Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве» [3].

Советскую Россию уже давно принято называть «тоталитарным» государством. В переводе с латинского термин означает «весь», «полный», «целый». Известно, что понятие «тоталитарное государство» было впервые применено по отношению к режиму Муссолини, оно подразумевало принцип строгого государственного надзора над социо-политическим

мышлением людей, над их частной и личной жизнью. Справедливо ли назвать СССР тоталитарным обществом, с тоталитарной системой государственности, тоталитарным мышлением, культурой, искусством? Это даже не вопрос строго научной дискуссии. Это зыбкая, горячая линия борьбы двух антагонистов русской истории: традиционалистов и либералов. В любом случае, исход мировоззренческой схватки может разрешить лишь объективный взгляд на реальные достижения советского времени, в число которых входят Великая Победа и, конечно же – советская культура и наука.

Да, в Советском Союзе существовал и всячески культивировался государством такой социо-этический феномен как общенародное политическое единомыслие. Но в его основе лежал принцип национальной безопасности, принцип государственного патернализма и встречной ответственности граждан за судьбу страны. И, несмотря на все неминуемые издержки и перегибы, «насаждаемое» политическое единомыслие сформировало из народов СССР единую, патристические ориентированную гражданскую общность – советский народ.

Эту самобытную цивилизационную особенность «единомыслия» ярко подчеркнул русский писатель осетинского происхождения, белоэмигрант Г. Газданов, живущий во время войны в Париже и получивший возможность тесного общения с советскими военнопленными, бежавшими из французских лагерей и организовавших партизанское движение во Франции. Так, писатель отмечал, что за весь период истории не существовало такой же государственной системы, как в России XX в., когда у всех граждан на огромное количество наиболее важных вопросов, особенно вопросов политических, было одно, всегда идеально одинаковое мнение. Все, что создает искусственные различия между людьми или подчеркивает их естественные различия, в Советской России не существовало. Г. Газданов подчеркивал, – политическое и социальное воспитание советских граждан совершенно одинаково в Туркестане и в Ленинградской области, на мурманском побережье или на Каспийском море. Московский профессор и узбекский пастух читают одну и ту же передовую статью, в которой излагаются одни и те же положения. Это продолжалось десятки лет и поэтому в смысле политической монолитности, на земном шаре нет ни одной страны, которая могла бы сравниться с Россией. Может быть, – продолжает Газданов, – такая система далека от идеальных систем, но для достижения общими национальными силами, например, для спасения Родины, человечество не знало более могущественного средства [4, с. 656].

Отметим, социально-политическое и добавим, культурно-антропологическое единство советских людей отнюдь не было стандартно-выхолащенной, «тоталитарной» доктриной, вбиваемой в головы советских граждан путем оголтелой пропаганды, что, впрочем, имело место в отдельных случаях. Единение советского общества со всей очевидностью базировалось на традиционных, корневых, архетипических ценностях, главной из которых была любовь к Родине, к ее природе, красоте, к ее сложной, но такой русской, своей истории. Именно это, охранительно-

жертвенное, любовное отношение к своей советской Отчизне и являлось главным камертоном политической симфонии власти и народа. Как быстро произошло зарождение и становление единой, сплоченной общности советских людей, отразивших агрессию нацистской Германии?

Процесс «собираания» населения страны в единую солидарную общность начался уже в мареве Русской Революции, Первой мировой и Гражданской войн. И уже в самые тяжелые 20-е, 30-е, в начале 40-х гг., когда происходила и драма коллективизации, и сверхускоренная модернизация социо-экономической, военно-политической и культурной сфер жизни, в Советской России появился уникальный в мировой истории тип **советского** человека, который не только жертвенно выдержал бремя революционных перемен, бремя великой войны, но и обнаружил в себе настоящие сокровища духовности, редкие и удивительные для XX века. Каким же образом из «тоталитарной сталинской шинели» вышел герой мировой истории, герой-победитель? Так советский народ победил фашизм вопреки сталинской системе или все же защитил органичные ему жизнеустройство, идеалы, ценности, уклад, возводимые и оберегаемые высшей властью? Неужели прав о. Д. Смирнов, восклицаящий, что советский строй – это царство Хамово от начала до конца [5]? Есть ли слова **правды** в утверждении о. Г. Митрофанова о том, что Советский Союз – это такая, по существу захватившая Россию власть, которая все делала, чтобы страну уничтожить, а то, что уничтожить не удалось, максимально исковеркать [6].

Чтобы попытаться ответить на все эти «последние» русские вопросы, необходимо обладать ясным, честным, всеохватным алгоритмом самого процесса познания. Подобный алгоритм предложил Святейший Патриарх Кирилл. Так, выступая с приветственным словом на открытии XIV выставки-форума «Православная Русь. Моя история. XX век. 1914-1945. От великих потрясений к великой Победе» 4 ноября 2015 г., Святейший подчеркнул: «Советской России не было бы, если бы не было подвига предшествующих поколений, которые в 20-е, 30-е года не просто пахали землю – хотя и это важно, – но создавали промышленность, оборонную мощь страны, науку... Необходимо понять всю красоту подвига нашего народа в 20-е, 30-е, 40-е года... Чтобы любить Отечество, не нужно исключать из исторической памяти ни один из исторических периодов, нужно воспринимать его здоровым смыслом и незамутненным нравственным чувством. И тогда правда будет отделена от лжи, а Добро от зла» [7].

Так что же за общество сложилось в «тоталитарный» период советской истории, к началу Великой Отечественной войны? Прежде всего, в советском социуме, собранном в горниле Гражданской войны, доминировали все те же, дореволюционные, соборно-коллективистские начала, идущие от русской крестьянской общины. Более того, государственно-образующий русско-советский костяк подспудно оставался, по выражению Святейшего Патриарха Кирилла **рудиментарно** религиозным [8]. И русские, и другие православные народы Советской России

оставались носителями традиционного религиозного архетипа. Таким же, только более открытым традиционализмом отличались и другие, неправославные этносы страны – мусульмане, буддисты и пр. Все это богатое, цветущее многообразие этносов, больших и малых народов уже перед Великой Отечественной войной образовало уникальную модель государственности, где в форме новой империи пересоборались и объединились все те же, «старые», традиционные народы. Объединились отнюдь не механически, по принуждению, но в силу очевидного, мощного, деятельного продвижения социо-этического идеала всеобщей справедливости и братства. Достижение подобного идеала, поиск путей построения нового, справедливого, человеческого общества, где есть место всем сирым и обездоленным рождало подвижнический пафос **общего дела, общей мечты** о будущем, преображенном правдой человечестве. Представляется, высота подобной цели – построение почти Царства Божия на земле, как бы очищенной от тысячелетнего скепсиса христианства, позволяла народам страны, обществу в целом признавать советскую власть, в том числе руководителя государства в качестве легитимно-оправданной, единой, «самодержавной» силы.

Особо подчеркнем, все возражения либеральной элиты о «зверских» способах удержания подобной власти, о тотальном атеизме советского социума и о «невиданном со времен Нерона» богоборчестве народов страны, ну и конечно, о рабской, стадной душе «совка» и принудительно-рабских методах строительства нового общества, рассыпаются после углубленного, непредвзятого знакомства с подлинной статистикой репрессий, [9] с уже подзабытыми, грандиозными даже по меркам мировой истории достижениями светской цивилизации, а главное, – с феноменом глубокой, подспудной, неизбывной религиозности советского народа, особенно ярко проявившейся в годы Великой Отечественной войны [10, с.19–52].

Политическое противостояние Церкви и власти – отдельная тема гуманитарных исследований. Кратко суммируя, можно выделить основные причины «затяжной» войны государства и верующих. Первая причина состоит в отказе Церкви поддержать погибающую монархию и соответственно, в поддержке либерально-буржуазного Временного правительства. Вторая, пожалуй, самая веская причина заключается в антирусской, антихристианской, репрессивно-хищнической политике радикального крыла большевизма, вынужденного ослабить свою жесткую хватку лишь накануне Великой Отечественной войны. И наконец, третья причина – активное неприятие и Церковью и верующими самого типа государственности вместе с новым пафосом построения индустриального общества, где Церкви, проповедующей антисоветский эсхатологизм, отводилась маргинальная или катакомбная ниша.

Очевидно, антигосударственные, политически-негативные настроения верующих явились главной причиной усиления конфликта Церкви и власти, конфликта, вынудившего государство применять самые жесткие методы усмирения. А.Л. Беглов указывает, –

социальные катаклизмы начала XX века, модернизационные усилия советской власти, в том числе попытки научно-естественного просвещения через средства массовой информации, вызвали у многих своего рода травматический шок и активизировали дремавшие до сих пор эсхатологические настроения, принявшие отчетливую антисоветскую окраску. Социальной базой для подобных настроений были слои, не чуждые общинной крестьянской психологии: провинциальное и сельское духовенство, часть «окрестьянившегося» к началу XX века монашества, горожане, еще вчера бывшие сельскими жителями или тесно связанные с сельской средой, и конечно, само крестьянство. Антимодернизационный пафос эсхатологических настроений проявлялся не только в отказе вступать в колхозы и участвовать в акциях советской власти, но и в бойкоте сельскохозяйственных машин, тракторов, в отказе переходить от трехполья к многополью: ибо Бог един в трех Лицах и пр. [11, с. 96, 97].

Парадоксально, но именно из этих народных недр, яростно или «тихо» сопротивляющихся «апокалипсическим» начинаниям советской власти и вышли защитники Советского Отечества, ведь Красная Армия по преимуществу была армией русских, а по рождению и православных, рабочих и крестьян. Казалось бы, в этом сложном, многоаспектном конгломерате глубокой веры, спасительной обрядовости, но и косности, невежества, прямолинейного эсхатологизма и антисоветизма, трудно увидеть декларируемую нами чистоту патриотизма народа, защищавшего в войну именно **Советскую Россию** и оставшегося при этом носителем традиционного религиозного архетипа ментальности, когда весь соборный народный «дух» полагался в жертву за други своя.

Каким же образом советский патриотизм и традиционный модус православной духовности, в особенности, русско-советского социума, оказались «антропологически» совместимыми величинами? Как все же трактовать знаменитую просьбу рядового солдата М.Ф. Черкасова, из окопа написавшего в письме к матери: «Мама, я вступил в партию, мама, помолись за меня Богу» [12, с.86]. Зачем перед лицом возможной смерти вступать в партию? И зачем молиться Богу за члена ВКП/б, «боровшегося с Церковью»? Но в этих простодушных словах бойца Красной Армии нет никаких противоречий, алогизма, путаницы понятий. В них ясно, с предельной, афористической ясностью выражен цивилизационный – советский – архетип отношения миллионов простых людей к светло-отвлеченному идеалу коммунизма, воспринимавшегося как почти религиозный атрибут справедливого миропорядка, как общенародная ценность, которую необходимо защищать во благо страны и общества в целом. Сам идеал в самосознании граждан страны был крепко, «программно», органично спаян с принципами практического, а во время войны – стратегического руководства партии, верховной власти. Очевидно, для большинства русских солдат, крещенных в Православии или воспитанных в традиционной среде, т.е. носителей консервативной культурной матрицы этно-психотипа, так же как и для других православных этносов, в том числе и неправославных, мусульман, буддистов и

т.д., воспринимавших СССР своей Родиной, – и Верховный Главнокомандующий, и правящая партия, и молящаяся Церковь мыслились в качестве единой национальной силы, организующей будущую победу над германским фашизмом.

Представляется, что взаимоотношения советского общества с политическим багажом марксизма-ленинизма, с идеалами коммунизма, для СССР более точно – социализма, – отдельная, сложная, проблемная, можно сказать, инновационная тема гуманитарной науки, ждущая своего исследователя. Очевидно одно – идеи русского коммунизма как они бытовали в мировоззренческих системах советского социума на разных исторических этапах, никогда, даже в периоды бурного, «с перехлестом» переустройства жизни не носили всепоглощающего доктринального характера и не подавляли традиционного, нравственно-этического и религиозного «подтекстов» советского жизнеустройства. Все скоротечные акты глумления над семейными, моральными, культурными и религиозными ценностями, осуществляемые, по сути, маргинальными общественными группами, носили страстный, бессмысленный и бесплодный характер, как бунты Пугачева и Разина. Страстные состояния бунтующих, расхристанных русофобских сил бесследно растворились в огненном, очистительном огне Великой Отечественной войны, впрочем, все же оставив темный шлейф в виде учения либеральной элиты о рабской, варварской, антигуманной сущности советского проекта.

Русский коммунизм, русский социализм – специфически-национальный феномен советской идеологии. Он национален не потому, что русский этнос как бы изначально, в своих ментальных глубинах «скрывал» до времени почву для воплощения в жизнь марксистского учения. Отнюдь нет. Русский коммунизм вышел из крестьянской общины, а не из учения, пусть великого, К. Маркса. Большевики и прежде всего, Ленин, а затем и Сталин взяли из марксизма лишь то, что пошло на пользу, что стало прикладным, вспомогательным инструментом в построении нового национального проекта в России. Сам термин коммунизм с самого начала советской государственности не имел никакого конкретного воплощения в осязаемые, земные формы жизнеустройства. Он представлялся, как мечта, как жизнь в условиях общего благоденствия, изобилия, братства. Позже пришло понятие социализма, когда стало очевидно, что придется строить социализм в одной стране. Идеологам советского государства пришлось спуститься на землю России и создать уже более связанное представление о трудном «переходном периоде». Это делалось на протяжении всего существования Советского государства [13, с.177].

Понятия «коммунизм», «социализм», марксизм-ленинизм», «светлое будущее» и пр. со всей очевидностью воспринимались советским социумом как важный символический атрибут советского жизнеустройства, идеологический щит, делающий страну неуязвимой перед внешними геополитическими угрозами. И когда советские граждане в приподнятом настроении выходили на демонстрации с плакатами основателей и вождей государства, то по

сути это была настоящая, а не формальная акция солидарности общества с властью, которая, как мы только сейчас начинаем понимать, – делала все возможное, чтобы защитить страну и улучшить жизнь народа. Именно этот идеал лучшей, мирной, спокойной, устремленной в будущее жизни и хотел защищать православный солдат Черкасов, вступивший на фронте в партию и одновременно уповавший на молитвы матери. И другие воины, офицеры Красной Армии, ставшие членами партии во время боевых действий, а чаще накануне гибели, воспринимали свой поступок как почти религиозную форму служения Отечеству, обладающую священным смыслом и значимостью. В окопах, танках, на передовой, в самолетах эти «новоявленные» коммунисты напрямую ставили знак равенства между понятиями Родина и коммунизм, Родина и партия. Что такое – вступить в партию во время войны? Об этом красноречиво, ярко и с большим эмоциональным воодушевлением поведал известный советский писатель Ю.С. Крымов, автор романов «Инженер», «Дербент». Так, 19 сентября 1941 г., накануне своей героической гибели Крымов пишет письмо жене: «Я вступил в партию в тот момент, когда все соединения находятся в окружении, т.е. накануне решающего боя для меня и моих товарищей. На душе у меня удивительно спокойно и хорошо... Теперь прибавилось еще одно чувство. Гордость. Сознание того, что я прожил свою жизнь не даром, и если придется умереть, не даром умру...». Таким же осознанием священной высоты своего служения народу, Отчизне, идеалам советской жизни проникнуты письма, обращения и предсмертные послания многих и многих других защитников страны. Приведем некоторые из них:

– письмо артиллериста-комсомольца А. Полуэктова, октябрь 1941 г.: «Дорогой Саша! Если я умру, напиши моим старикам, что я умер легко и спокойно. Я ненавижу фашизм... и если бы у меня была вторая жизнь, я бы отдал и ее. Напиши им, что я был счастлив, что я был бойцом в этой великой битве».

– послание комсомолки-партизанки В. Поршневой матери из немецких застенков в Калининской области, ноябрь-декабрь 1941 г.: «Завтра я умру, мама. Ты прожила 50 лет, а я лишь 24. Мне хочется жить. Ведь я так мало сделала! Хочется жить, чтобы громить ненавистных фашистов. Они издевались надо мной, но я ничего не сказала... Не плачь, мама! Я умираю, зная, что все отдавала победе. За народ умереть не страшно... Наша победа недалеко!» [14].

– из письма тяжело раненого, умирающего танкиста И.С. Колосова невесте, 25 октября 1941 г.: «Здравствуй, моя Варя! Нет, не встретимся мы с тобой. Вчера мы в полдень громили еще одну танковую колонну гитлеровскую. Фашистский снаряд пробил броню и разорвался внутри. Пока я уводил машину в лес, Василий умер. Рана моя жестока... Ночь прошла в муках. Сейчас почему-то боль, прожигающая всю грудь, улеглась и на душе тихо.... Никогда бы я не прожил жизнь так, если бы не ты, Варя. Спасибо тебе, родная... Пройдет время, люди залечат раны, люди построят новые города, вырастят новые сады. Наступит другая жизнь, другие песни будут петь. Но никогда не забывайте песню про нас, трех танкистов. У

тебя будут расти красивые дети, ты еще будешь любить. А я счастлив, что ухажу от вас с великой любовью к тебе».

– из обращения пятерых военнопленных из гестаповского застенка г. Киева. Конец 1941 – начало 1942 гг.: «Дорогие друзья, мирные жители, бойцы и командиры! Мы, узники фашизма, находимся за три часа до смерти. Нас 5 человек... Нас пытали, терзали, казнили, мучили 2 месяца, пытались узнать многое из военной тайны. Но честные воины, русские воины знают, что Родина дороже жизни... За нас отомстят миллионы наших товарищей, советские люди живут еще счастливее, чем прежде. Прошу считать меня коммунистом!».

– надписи советских пленных на стенах гестаповской тюрьмы г. Прейли, Эстония, июнь 1942 – апрель 1944 г.: «Да здравствует Латвийская ССР непобедимая! Слава Святой Руси великой!».

– из допроса Рихарда Зорге 27 марта 1942 г.: «Главная моя цель заключалась в том, чтобы защитить социалистическое государство, оборонять СССР, отводя от него различного рода антисоветские политические махинации, а также угрозу военного нападения». Последние слова разведчика перед казнью 7 ноября 1944 г.: «Да здравствует Коммунистическая партия, СССР, Красная Армия!» [14].

– из речи Зои Космодемьянской перед казнью: «Русь, Советский Союз непобедим и не будет побежден! Мне не страшно умирать. Это счастье – умереть за свой народ. Нас двести миллионов, всех не перевешаете. Боритесь! Не бойтесь!» [15].

– из последнего письма танкиста А. Голикова жене в день смерти 28 июня 1941 г., написанного из подбитого под г. Ровно танка: «...сквозь пробоины танка я вижу улицу, зеленые деревья, цветы в саду яркие-яркие. У вас, оставшихся в живых, после войны жизнь будет такая же ярко-красочная, как эти цветы, и счастливая... За нее умереть не страшно... Ты не плачь...» [14].

– одним из ярких проявлений поистине евангельской жертвенности является духовное состояние 22-х летней подпольщицы Паши Савельевой, заживо сожженной фашистами 12 января 1944 г. в Луцкой тюрьме. Перед казнью Паша оставила на стене запись: «Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено, ни рук, ни ног. Но умираю молча. Страшно умирать в 22 года. Как хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходи мы... Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай. Твоя Паша» [16].

Даже та малая часть документально-эпистолярного наследия Великой Отечественной войны, что была рассмотрена выше, дает весьма ясное представление об истоках и характере советского патриотизма, жертвенности и героизме. Прежде всего, во

всех обращениях присутствует сакрализованное отношение к стране, к Родине как к сверхценностной почвено-духовной величине, которую не только необходимо защищать в горниле войны, но что важнее, – необходимо думать о ее будущем благоденствии, силе, красоте, деятельно-жертвенной любовью приближая общее для всех светлое будущее. Почти во всех письменных первоисточниках Советская Россия, СССР называются не иначе, как Русь Святая, Русская земля, Священная земля, родная земля, Святая Русь великая и т.д. Не случайно главное прощание наших героев происходит с Родиной, именно ей дается клятва стоять до конца, не сдаваться, не предавать, жертвовать своей жизнью. Патетически-приподнятое прославление Красной Армии, партии, братства советских народов, предсмертное желание вступить в партию, то есть стать особым, «избранным» воином, защищающим цивилизационный идеал советского жизнеустройства – все это носило такую же сакрализованную и одновременно конкретизированную форму, что и образ Советской Родины. Сакрализованную потому, что как уже отмечалось, – сама идея коммунизма выступала в сознании советских людей в форме справедливого идеала будущего, а не виде некой жесткой теоретической доктрины, «сбивающей» советский народ в тоталитарное, зашоренное, рабски-послушное стадо. Конкретизированное потому, что именно на членов ВКП/б во время Великой Отечественной войны возлагалось самое тяжелое послушание – погибнуть в первых рядах: «Коммунисты, шаг вперед!».

В завершении статьи будет весьма уместно вновь привести очень точные суждения русского эмигранта, писателя Г. Газданова о природе советского патриотизма, о цивилизационных причинах победы СССР над нацистской Германией. Никогда в истории России, – утверждал Газданов, – не было периода, в котором таким явным образом все народные силы, вся воля страны были бы направлены на защиту национального бытия, на борьбу за существование, за жизнь этого огромного государства. Все: экономическая и политическая структура страны, ее социальное устройство, ее чудовищная индустрия, ее административные методы, ее пропаганда – все это было, как бы создано гигантской народной волей к жизни. Писатель подчеркивал с непоколебимым упорством и терпением, с неизменной последовательностью, Россия воспитала несколько поколений людей, чтобы защитить и спасти свою Родину... Никакое другое государство не могло бы так выдержать испытание, которое выпало на долю России. И если бы Россия находилась в таком состоянии, в каком она находилась летом 1914 г., вопрос о Восточном фронте скоро перестал бы существовать. Но эти люди непобедимы... [4, с.652].

Литература:

1. Хоффман Й. История власовской армии. (Из открытого письма генерал-лейтенанта А.А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом»). Париж. 1990.
2. Генерал Власов. Из протоколов закрытого судебного заседания Военной Коллегии Верховного Суда СССР. 30 июля 1946 г. (<https://generalvlasov.ru/documents/is-protokola-suda.html/26.08.19>).
3. Зиновьев А. Правда о войне еще не написана (<https://www.msu.ru/press/federalpress/html>).
4. Газданов Гайто. Собрание сочинений в 5 томах. Документальная проза. Т.2. // На французской земле. М.: Эллис Лак, 2009.

5. Что общего у протоиерея Д. Смирнова и киевской хунты? (<https://blagogon.ru./news/368/print> 26.08.19).
6. Протоиерей Георгий Митрофанов Сталин и Православие (<https://www.antiraskol.ru/pages/1805> 26.08.19).
7. Приветствие Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси. Выставка-форум «Православная Русь. Моя история. XX век. 1914-1945. От великих потрясений к Великой Победе» 4 ноября 2015 г. (<https://www.patriarchia.ru/ldb/text/426139.html> 15.06.19).
8. Пресс-служба патриарха Московского и Всея Руси (<https://www.patriarchia.ru/text/1463954.html>. 25.09.14).
9. Земсков В.Н. О масштабах политических репрессий в СССР. Сквозь дебри спекуляций, извращений и мистификаций. (<https://www.politpros.com/journal/read/?ID=782> 26.08.19).
10. Цеханская К.В. Война и вера: религиозный аспект подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны / Метаморфозы истории. Научный альманах. Выпуск 13. Псков. Псковский государственный университет, 2019.
11. Беглов А.Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви. АРЕФА, 2008.
12. Победоносцев П. Сталин и Церковь глазами современников: патриархов, святых, священников. М.: Книжный мир, 2012.
13. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Кн.1. От начала до великой победы. М.: Алгоритм, 2001.
14. Говорят погибшие герои. Предсмертные письма советских борцов против немецко-фашистских захватчиков (1941-1945). (https://historic.ru/books/item/f00/s00/z_0000164/index.shtml 28.06.19).
15. Крылов А.Н. Спасение Москвы. (https://Samlib.ru/k/krylow_a_n/123-1.shtm/03.09.19).
16. https://deti.mail.Ru/forum/dosug/obo_vsjom_na_svete/zhenshhiny_na_fronte_v_5_chast-jah_chast_3_podpolshhiki_rasvedchiki_diversanty_partisany/?page=6 03.09.15.